

Секта духоборцевъ, ея прошлое и настоящее.

IV *).

КОГДА, въ 1886 году, умерла вышеназванная духоборческая правительница Лукерья Калмыкова, то претендентомъ на ея мѣсто явился нѣкій Петръ Веригинъ, уроженецъ Елизаветпольской губерніи, совсѣмъ молодой и рѣдкой красоты парень, послѣдніе годы жизни Лукерьи находившійся неотлучно при ея особѣ. Въ селеніи Славянкѣ, предъ всѣмъ народомъ, мать Веригина, Анастасія, заявила, что сына своего Петра она родила не отъ мужа своего Василя, а отъ покойнаго духоборческаго правителя Петра Калмыкова, удостоившаго ее, къ великой радости всей ея семьи, священнымъ вниманіемъ во время послѣдняго посѣщенія своего селенія Славянки. Этой хитрости было достаточно, чтобы въ средѣ темной массы духоборцевъ, воспитанныхъ на преданіи о сверхъестественномъ могуществѣ Калмыковыхъ, вопросъ о Веригинѣ былъ рѣшенъ утвердительно. Вслѣдъ за жителями Славянки приблизительно $\frac{7}{10}$ всего духоборческаго населенія, въ трехъ губерніяхъ, «присягнули» Веригину. Но остальная часть духоборцевъ, въ лицѣ жителей селенія Горѣлаго, поступила иначе. Время сдѣлало свое дѣло и по отношенію къ духоборчеству. Черезъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ умственный кругозоръ духоборцевъ постепенно расширялся; получались сравненія и выводились умозаключенія часто далеко не въ пользу своего

*) Окончаніе. См. февраль.

собственного быта; зарождалось понятие о свободѣ личности, совершенно подавленной вѣковой политикой главарей; появились и окрѣпли личные и имущественные интересы. По крайней мѣрѣ по отношенію къ жителямъ селенія Горѣлаго это было естественно и дѣйствительно сказалось. Горѣлое было столицей духоборчества; здѣсь была резиденція управляющаго, здѣсь же жили и всѣ почетныя семьи духоборцевъ; сюда наѣзжали на перепутьи и останавливались кавказскіе намѣстники, начальники губерній, высшіе военные и гражданскіе чины; горѣловцы многое видѣли, о многомъ слышали, имѣли крупныя дѣла во многихъ пунктахъ Закавказья; они были богаче духоборцевъ другихъ мѣстностей, развитѣе и менѣе фанатичны. Пока не было повода къ протесту и не находилось инициатора, горѣловцы подчинялись режиму «Сиротскаго дома». Но когда главенство надъ ними вздумалъ брать Веригинъ, запосчивый юнецъ, когда общественное достояніе потребовалъ въ свои руки разгульный мотъ, окружившій себя свитой молодыхъ обожателей и обожательницъ, подобныхъ ему гулякъ, тогда горѣловцы оказали отпоръ, даже вопреки всѣмъ традиціямъ духоборчества. Они не только не приняли Веригина, но и донесли о возникшихъ беспорядкахъ начальству, требуя его вмѣшательства. Руководителемъ явился извѣстный мѣстной администраціи Алексѣй Зубковъ, старшина горѣловскаго сельскаго общества, занимавшій эту должность цѣлыхъ 26 лѣтъ. Какъ выходящій изъ традицій секты, поступокъ Зубкова, разумѣется, вызвалъ среди духоборцевъ возбужденіе и озлобленіе. Они сразу вѣрно оцѣнили все значеніе событія для ихъ общины: «родимый Зубковъ восхотѣлъ потоптать отечество и продать насъ». Въ духоборствѣ начался расколъ. Образовались двѣ партіи: партія большинства, состоящая приблизительно изъ 700 семействъ съ Веригинымъ во главѣ, подъ названіемъ «большой партіи», и вторая партія, въ насмѣшку названная ея противниками «правительственною», или—«меньшая», насчитывавшая въ трехъ губерніяхъ около 200 семействъ. Между этими партіями сразу возгорѣлась страшная ненависть и, по винѣ Веригина, открыто провозгласившаго себя «пророкомъ» и «царемъ-царей», въ духоборствѣ постоянно стали происходить беспорядки. Тогда въ дѣло вмѣшалась администрація и, назначивъ въ духоборческой общинѣ правительственныхъ старшинъ, самого Веригина высладала въ Шенкурскъ. Но это еще болѣе воспламенило

фанатизмъ сторонниковъ Веригина; считая, что виновницею высылки Веригина была малая партія, они стали вымѣщать на ней свою злобу. Прежде всего большая партія отстранила малую отъ общаго моленія, а представители ея перестали кланяться противникамъ, что составляло всегда одинъ изъ священныхъ обычаевъ секты; затѣмъ та же большая партія запретила малой части совмѣстно съ нею свои стада; она же настояла, чтобы мужья, жены конхъ не желаютъ признать Веригина; изгнали послѣднихъ изъ своихъ домовъ; равнымъ образомъ жень, послѣдовательницъ Веригина, принудила бросить своихъ мужей изъ противнаго лагеря; наконецъ, малой партіи запрещалось хоронить своихъ покойниковъ на общественномъ кладбищѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ отношенія партій настолько обострились, что по ходатайству той и другой партіи общество духоборцевъ Ахалкалакскаго уѣзда было раздѣлено на два: на горѣловское для малой партіи и спасское— для большой. Однако и послѣ этого волненія не улеглись. Приверженцы Веригина теперь открыто стали высказывать свое раздраженіе уже противъ правительства и его органовъ. Они жаловались, что отдачею капиталовъ «Сиротскаго дома» въ пользу партіи Зубкова и ссылкой Веригина правительство лишило ихъ «отечества», безъ котораго они никакъ не могутъ жить. «Поймите, заявляли они, мы безъ отечества жить не можемъ; что бы вы ни дѣлали, мы не успокоимся, не отстанемъ отъ правительства и никому не дадимъ покоя; пусть лучше всѣхъ насъ перебьютъ». По временамъ, казалось, они даже искали случая вызвать мѣстныя власти на болѣе рѣшительный относительно ихъ образъ дѣйствій. Такъ, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, они вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказывались платить подати, или отбывать тѣ или другія повинности; въ 1893 году, когда произошло раздѣленіе духоборцевъ на два общества, они отказались отъ взносовъ для образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, что прежде отбывали аккуратно; наконецъ весной 1895 года духоборцы порѣшили отказаться отъ отбыванія воинской повинности, которую въ теченіи шести лѣтъ, со времени введенія ея въ Закавказьи, несли безропотно и даже хорошо. Это сдѣлали, впрочемъ, не всѣ веригинцы, а лишь часть ихъ, такъ называемые «постники». Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1894 года спасское общество, за годъ предъ тѣмъ отдѣлившееся отъ горѣловскаго, распалось, въ свою очередь, на два

лагеря: большая половина его, въ числѣ 400 семействъ, провозгласила себя партией «постниковъ», а остальные, около 300 семействъ, остались при прежнемъ вѣрованіи. Послѣдніе тогда же обратились къ губернатору съ заявленіемъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ «постниками» и не привлекали къ отвѣтственности за дѣянія послѣднихъ. Поведеніе «постниковъ» обѣщало, дѣйствительно, какую-то необыкновенную выходку. Они забирали свои вклады изъ ахалкалакской кассы банка и дѣлили поровну между собою; распродали спѣшно, по дешевой цѣнѣ, свое имущество и скоть, приводили въ порядокъ фургоны, покупали бурки, запасались оружіемъ. Казалось, постники готовились къ выступленію куда-то въ далекій путь. Въ то же время замѣчались нѣкоторыя перемѣны и въ духовной жизни этой партіи духоборцевъ; они чаще стали сходить на общественныя моленья, перестали ѣсть все мясное. Сколько можно было видѣть изъ собственныхъ словъ постниковъ, вообще державшихъ себя скрытно, они дѣлали это по требованію вновь воспринятаго ими ученія, въ силу котораго стали также воздерживаться отъ сношеній со своими женами, чтобы такимъ путемъ совсѣмъ прекратить свой родъ. Скоро выяснилось уже окончательно, что «постники» ни подъ какимъ видомъ не желаютъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства; они находятся въ подчиненіи властей, представителей неправды, и въ сосѣдствѣ съ горѣловцами, отступниками и предателями, и потому намѣрены навсегда порвать связь и съ этою властью и съ этимъ сосѣдствомъ. Предъ уходомъ «постники» желали достойно отпраздновать именины Петра Веригина; рѣшено было 29 іюня внезапно напасть на Горѣлое, сжечь «Сиротскій домъ» и истребить главныхъ приверженцевъ Зубкова. Заговоръ сталъ извѣстенъ начальству и вызвалъ его вмѣшательство. Къ мѣсту происшествій были вызваны войска и явился губернаторъ. Послѣдній пытался умиротворить «постниковъ», но тѣ вели себя крайне рѣзко и вызывающе. Они то отказывались отъ всякихъ объясненій, то вели изумительныя рѣчи, сопровождая ихъ не менѣе изумительными дѣйствіями. На вопросъ губернатора: «признаютъ ли они себя русскими подданными и готовы ли подчиняться требованіямъ государственныхъ законовъ»,—постники ожесточеннымъ общимъ крикомъ отвѣчали: «нѣтъ, не признаемъ себя русскими подданными, не подчиняемся законамъ, никогда не подчинимся неправдѣ, скорѣе всѣ умремъ». При

этомъ изъ общей массы «постниковъ» выдѣлились нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ личностей, держа въ рукахъ какія-то бумаги, и стремительно бросились къ губернатору съ крикомъ—«эй, господинъ, возьми твои билеты»; бросая эти «билеты» на землю, они топтали ихъ ногами и непристойными словами оскорбляли даже особу верховной власти. Это были запасные нижніе чины съ запасными и ополченскими свидѣтельствами. Недѣля попытокъ со стороны губернатора кончилась ничѣмъ. Выяснилось только, что «постники», не ограничиваясь общиной духоборческой, вели и ведутъ противоправительственную пропаганду еще среди туземнаго инородческаго населенія, особенно мусульманскаго, возбуждая его къ неповиновенію властямъ. Тогда, въ цѣляхъ прекращенія безпорядковъ, рѣшено было немедленно удалить «постниковъ» изъ предѣловъ Ахалкалакскaго уѣзда и расселить ихъ по губерніи вразбродъ. Вопреки ожиданіямъ, «постники» приняли это рѣшеніе съ величайшею радостію и просили только объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе двинули въ путь. Наперерывъ другъ предъ другомъ они старались попасть въ первую партію ссылаемыхъ, увѣряя, что они-то и суть самые безпокойные въ селеніи и зачинщики безпорядковъ. Забирая съ собою только самое необходимое, выселявшіеся покидали все остальное, вмѣстѣ съ посѣвами и полными всякаго добра жилищами. Всего было выселено 439 семействъ въ числѣ 4.000 душъ.

Выдѣленіе изъ среды духоборцевъ партіи «постниковъ» объясняется усвоеніемъ ими воззрѣній гр. Л. Толстого. Живя въ Шенкурскѣ, Веригинъ не только познакомился съ разными проживавшими тамъ въ ссылкѣ сектантами, въ родѣ штундистовъ и баптистовъ, но и считался сочиненій графа Толстого. Изъ воззрѣній послѣдняго Веригинъ усвоилъ слѣдующее: надо служить только одному Богу; отсюда, не должно нести воинской службы; имущество должно быть раздѣлено поровну; не должно употреблять мясной пищи; нужно способствовать прекращенію рода и потому — воздерживаться отъ сношеній съ женщинами. Разумѣется, эти воззрѣнія только отчасти сходились съ исконными убѣжденіями духоборцевъ; но разъ они предлагались отъ имени Веригина, то и были приняты многими весьма охотно. Главными посредниками между Веригинимъ и духоборцами были духоборцы Верещагинъ изъ Карской области и Конкинъ изъ Елизаветпольской губерніи. Вель въ средѣ духоборцевъ пропаганду еще проживавшій въ Баш-

кнечетахъ въ ссылкѣ толстовецъ князь Хилковъ. Послѣдній принималъ личное участіе и въ дальнѣйшей судьбѣ «постниковъ», при переселеніи ихъ въ Америку.

Распределенные по селеніямъ трехъ уѣздовъ Тифлисской губерніи, «постники» въ матеріальномъ отношеніи не бѣдствовали. На арендованныхъ у мѣстныхъ помѣщиковъ земляхъ они сглотились въ группы и составили общую кассу, завѣдываніе которой было поручено особымъ попечителямъ: послѣдніе все необходимое для содержанія разселенной массы закупали оптомъ; кромѣ того карскіе духоборцы доставляли въ изобиліи жизненные продукты, а отъ русскихъ толстовцевъ и заграничныхъ квакеровъ шли денежныя пожертвованія. Весной 1897 года разселенные еще имѣли петронутымъ запасной капиталъ въ 50,000 рублей. Податей никто изъ разселенныхъ не платилъ и вообще никакихъ повинностей не исполняли; мѣстное начальство и не требовало этого. Тѣмъ не менѣе на этихъ новыхъ мѣстахъ «постники» прожили только около двухъ лѣтъ. Когда начальствомъ было предложено «постникамъ» возвратиться на свои прежнія мѣста, гдѣ дома и усадьбы оставались еще въ цѣлости, то этимъ воспользовалось только около 50 семействъ. Большинство же предпочло совсѣмъ выселиться изъ Россіи. Главную приманку этого выселенія для постниковъ составляла надежда, что въ новомъ невѣдомомъ краю съ ними будетъ ихъ обожаемый «царь царей» Веригинъ. А соблазнами насчетъ земныхъ благъ этого края были все тѣ же толстовцы, изъ коихъ двое—князь Хилковъ и В. Чертковъ—приняли на себя и самую миссію по отысканію такового. По настоянію Черткова сначала направились на островъ Кипръ. Лѣтомъ 1898 года двинулась въ плаваніе первая партія духоборцевъ на зафрахтованныхъ англійскихъ пароходахъ. Русское правительство не воспрепятствовало этой эмиграціи, потому что духоборческіе беспорядки ему уже крайне надоели. Но правительство о. Кипра встрѣтило эмигрантовъ не особенно привѣтливо. Прежде чѣмъ отвести имъ земли для поселенія, оно потребовало значительную сумму въ обезпеченіе; затѣмъ эмигрантамъ были предъявлены государственныя обязанности, чего они такъ избѣгали. Главное же, вслѣдствіе изнурительнаго зноя и недостатка въ пищѣ, среди духоборцевъ развились болѣзни, уносившія сотни жертвъ въ могилу. Все это показало, что духоборцы могутъ оставаться на Кипрѣ только временно, и прожили они тамъ, дѣйствительно, только девять

мѣсяцевъ. Хилковъ, и ранѣе тянувшій въ Новый Свѣтъ, отправился, въ сопутствіи англичанина Эльмера Моода и двухъ ходаковъ изъ духоборцевъ въ Канаду, а за ними, весною 1899 года, въ сопровожденіи 20 «интеллигентовъ» и «интеллигентокъ» изъ послѣдователей гр. Толстого, къ новому мѣсту поселенія направились не только духоборцы съ Кипра, но и нѣкоторые ихъ единомышленники съ Кавказа, всего около 7,500 человѣкъ.

Духоборцы ѣхали въ надеждѣ устроить «Царство Божіе», которому училъ ихъ гр. Толстой, и никто изъ нихъ не предполагалъ, что поселенцамъ готовятся страшныя разочарованія и даже бѣдствія.

Канадское правительство приняло духоборцевъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ принимаетъ вообще переселенцевъ, именно: каждому переселенцу старше 18-ти лѣтъ предоставляется 160 акровъ земли, а чрезъ три года переселенцы имѣютъ право приять великобританское подданство, и земли, ими занятыя, переходятъ въ ихъ личную собственность; затѣмъ, духоборцы освобождались отъ воинской повинности и, кромѣ того, получали отъ правительства по одному фунту стерлинговъ на человѣка для первоначальнаго продовольствія. Но и при этихъ условіяхъ первый годъ поселенія былъ очень труденъ для поселенцевъ. Скотоводство и земледѣліе, на которое рассчитывали духоборцы, оказались почти невозможными. «Постники» поселились въ Канадѣ, въ провинціи Ассинибойя, въ безлюдной мѣстности, образовавъ 34 деревни. Мѣстность эта по своимъ климатическимъ и геологическимъ свойствамъ почти равносильна условіямъ восточной Сибири. Климатъ здѣсь такъ суровъ, что пшеница не созрѣваетъ, лѣтомъ нерѣдко бываютъ морозы, которые побиваютъ хлѣбъ и овощи; зимой суровые холода и пронизывающіе сухіе вѣтры, лѣтомъ дневной зной и комары; растительность здѣсь бѣдная, вода плохая и орошеніе скудное. Занятіе скотоводствомъ на первыхъ порахъ также было почти невысказимо, такъ какъ на это нужны деньги и умѣнье сбывать скоть, въ чемъ духоборцы, конечно, не могли сравняться съ американцами. Въ общемъ вся обстановка духоборцевъ на новомъ мѣстѣ поселенія оказалась прямо нищенской; они вынуждены были жить въ землянкахъ и терпѣть голодь и холодъ; такъ какъ лошади и волю въ Канадѣ очень дороги, то духоборцы сами впрягались въ телѣги и плуги; по причинѣ страшной американской

конкуренціи, работы на сторонѣ достать было очень трудно, тѣмъ болѣе, что духоборцы не знаютъ ни мѣстнаго языка, ни ремесль: первое время несчастные эмигранты не перемерли съ голоду лишь благодаря пожертвованіямъ, идущимъ изъ толстовскихъ сферъ въ Америкѣ, Европѣ и Россіи. Въ довершеніе всего американскія власти потребовали отъ духоборцевъ полнаго подчиненія мѣстной юрисдикціи. Правительство потребовало, чтобы духоборцы, во-первыхъ, приобрѣли въ *личную* собственность каждаго землю, на которой они поселились, и во-вторыхъ, регистрировали бы происходящіе въ нихъ средѣ браки, рожденія и смерти. Такое требованіе не отвѣчало правиламъ духоборческой жизни и духоборцы естественно заволновались и, не стѣняясь, выразили, было, желаніе совершить новое переселеніе. Но это имъ уже не удалось.

При означенныхъ требованіяхъ, весь строй жизни духоборцевъ, основанный на общинномъ духѣ и на правилахъ и преданіяхъ секты, долженъ былъ разрушиться и замѣниться новыми, чуждыми духоборцамъ, порядками. Духоборцы не отказывались приобрести землю, но не въ личную собственность каждаго, а въ *общую* собственность всѣхъ духоборовъ, потому что только при такомъ условіи сохранилось бы обособленное управленіе духоборческой общины посредствомъ особыхъ общинныхъ управителей. Тѣмъ болѣе не допускалась возрѣніями духоборческими государственная регистрація членовъ общины при посредствѣ записей рожденія, брака и смерти. Однако, прежде чѣмъ пускаться въ новый трудный путь переселенія, нужно было навести справки. Такъ явилось «воззваніе духоборцевъ ко всѣмъ народамъ», въ которомъ, жалуясь на требованія канадскаго правительства, духоборцы обращались съ просьбой о приѣмѣ ихъ на жительство въ какую-либо другую страну съ освобожденіемъ отъ законовъ, исполненія которыхъ требовало канадское правительство. Какъ и слѣдовало ожидать, воззваніе успѣха не имѣло; въ Канадѣ же оно возбудило большое неудовольствіе, какъ въ правительствѣ, такъ и въ населеніи; правительство стало еще требовательнѣе. Тогда неудовольство духоборцевъ выразилось въ иной формѣ,— броженіемъ религіознымъ, что и пошито въ сектѣ, по существу религіозной. Явился проповѣдникъ второго пришествія Христа и сталъ призывать къ встрѣчѣ Его. Въ концѣ октября 1902 года около 1,600 духоборцевъ распустили своихъ лошадей и коровъ, находя содержаніе скота несовмѣстимымъ съ

ученіемъ о неупотребленіи животныхъ, покинули свои жилища и толпой отправились въ паломничество. Они направились въ Юркстонъ, откуда ожидали явленія Ісуса, неся на носилкахъ больныхъ и дѣтей. Во главѣ толпы стоялъ духовборъ Марковъ. Поведеніе путниковъ обнаруживало много странностей. Одежда ихъ состояла только изъ бумажныхъ тканей, а тѣ, которые имѣли одежду болѣе теплую, потомъ стали бросать ее на дорогѣ. Многіе шли босыми, а если покупали по пути обувь, то лишь резиновую, потому что считали преступнымъ носить шерсть или кожу. Черствый хлѣбъ съ водой составлялъ пищу; принимали отъ другихъ только овощи; матери выливали молоко, предложенное ихъ больнымъ младенцамъ. Ночевали подъ открытымъ небомъ, иногда на снѣгу; на утро жалкій видъ таковыхъ поражалъ наблюдателей. Во всѣхъ селеніяхъ, лежавшихъ на пути, духовборцы заходили съ проповѣдью. Построятся въ ряды, и съ пѣніемъ псалмовъ, войдя въ селеніе, идутъ на площадь. Кто умѣетъ по-англійски, выходитъ впередъ и ведетъ рѣчь примѣрно въ такомъ родѣ. Проповѣдникъ: «Знаете ли вы ученіе Христа?—Слушатели: «Знаемъ».—Проповѣдникъ: «Бѣдному помощи, голога одѣнь, голоднаго накорми, — вотъ все ученіе Христа». — Слушатели: «Мы это чище васъ знаемъ, мы читали».—Проповѣдникъ: «Знаете, такъ почему не исполняете? идите съ нами...» Или еще: «Отчего вы намъ милостыню не подаете? Мы—голодные и мы—ваши братья».—«Такъ ты,—говорятъ,—пришелъ бы одинъ или двое, а то васъ цѣлая толпа. У насъ этакъ нельзя».—«А почему нельзя? На войны вы вѣдь ходите, еще больше того собираетесь. А на проповѣдь почему нельзя?»—Оставивъ женщинъ, дѣтей и слабыхъ въ Юркстонѣ, около 700 мужчинъ духовборцевъ пошли дальше, по направленію къ Виннипегу. Полиція слѣдила за путниками, но рѣшительныхъ мѣръ сначала не предпринимала, потому что буйствъ, насилій, воровства духовборцы не чинили. На первыхъ порахъ дѣло ограничилось поимкою и продажей выпущеннаго духовборцами скота, причемъ было выручено около 30,000 рублей. Старательно полицейскіе чины собирали по дорогѣ разбрасываемое духовборцами платье. Наконецъ, въ предѣлахъ штата Манитобы, въ Миннедозѣ, рѣшено было прекратить путешествіе. Вечеромъ уговорили духовборцевъ заночевать въ баракаѣ, а утромъ конные полицейскіе, съ помощью двухсотъ гражданъ, не выпуская духовборцевъ изъ барака, арестовали ихъ и послѣ отказа сѣсть на

поѣздъ добровольно, снесли ихъ въ вагоны, чтобы отправить паломниковъ къ мѣсту ихъ жительства.

Описанное паломничество духоборцевъ, принявшее религиозную окраску, имѣло, безъ сомнѣнія, и ту цѣль, чтобы побудить канадское правительство къ уступкамъ. Когда это не удалось,—духоборцамъ оставалось примириться съ печальнымъ, съ ихъ точки зрѣнія, положеніемъ вещей. Было извѣстіе, что духоборцы рѣшили принять великобританское подданство. Скоро это случится, или позднѣе, но во всякомъ случаѣ, если духоборцы останутся въ Канадѣ, смѣнится не одно ихъ поколѣніе, прежде чѣмъ они сдѣлаются настоящими канадцами, да и сдѣлаются ли когда-либо? Живя въ мало населенныхъ мѣстахъ, къ тому же среди населенія, состоящаго изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, духоборцы здѣсь еще болѣе обособлены, чѣмъ это было въ Закавказьѣ. Повидимому и руководителямъ духоборцевъ по переселенію въ Америку, — изъ «интеллигентовъ» толстовскаго направленія,—такая изолированность какъ нельзя болѣе желательна, такъ какъ она-то, по ихъ мнѣнію, и представляетъ самыя выгодныя условія для упроченія «Царства Божія», явившагося въ ихъ планахъ конечною цѣлью этого духоборческаго переселенія.

Любопытно, что самъ графъ Л. Н. Толстой не только съ интересомъ слѣдилъ за переселеніемъ духоборцевъ, но и принималъ во всей повѣйшей духоборческой эпопее дѣятельное участіе. Еще въ 1895 году онъ напечаталъ въ одной англійской газетѣ статью, посвященную прямо духоборческому движенію,—подъ заглавіемъ: «Гоненіе на христіанъ въ Россіи въ 1895 году». Здѣсь Толстой все духоборческое движеніе на Кавказѣ выводилъ изъ отказа нѣкоторыхъ духоборцевъ нести военную службу; отказъ вытекалъ изъ религиознаго вѣрованія отказывавшихся, но навлекъ на послѣднихъ жестокое наказаніе; такъ какъ, однако, духоборцы остались упорными, то ихъ стали выгонять изъ ихъ деревень и расселять въ другихъ мѣстахъ, по 2, по 5 и 9 семей, какъ будто съ цѣлью уморить голодомъ. Отлиграфированный переводъ этой статьи былъ потомъ распространенъ и въ Россіи. Цѣль Толстого, какъ онъ и самъ объяснялъ это, въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, чтобы виновные, т. е. дѣятели русскаго правительства, получили свое наказаніе въ приговорѣ общественнаго мнѣнія, какъ въ Англій, такъ и въ другихъ странахъ Европы, если ужъ не суждено, чтобы получили свое удовлетвореніе постра-

давнiе, т. е. духоборцы. Затѣмъ, когда духоборцы рѣшили выселиться изъ Россіи, то Толстой пожертвовалъ на расходы по этому дѣлу весь свой гонораръ за романъ «Воскресенье», а своего сына, Сергѣя Толстого, послалъ сопровождать духоборцевъ въ Америку, что тотъ и выполнилъ. Наконецъ, извѣщенный уже изъ Канады, что среди духоборцевъ начались экономическія распри, что подъ давленіемъ нужды нѣкоторые изъ духоборцевъ личные интересы стали предпочитать интересамъ общиннымъ, — гр. Толстой писалъ къ духоборцамъ увѣщательное посланіе, настойчиво убѣждая ихъ «продолжать жить христіанскою жизнью», ради которой ими оставлена Россія и многое перенесено...

С. Ставровъ.
